

Великая книга о великом

НЕИЗВЕСТНАЯ
РАНЕВСКАЯ

Автор-составитель Сергей Орлов

Москва АСТ

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)-44
Н 45

*Автор-составитель Сергей Орлов
Дизайн серии Ивана Ковригина*

В оформлении книги использованы фотографии
из архивов Сергея Орлова,
Кинообъединения «Крупный план»,
Государственного академического театра имени Моссовета,
Московского драматического театра имени А.С. Пушкина,
Российского государственного архива литературы и искусства

На форзаце и нахзаце помещен фрагмент текста роли Ф.Г. Раневской
(спектакль «Деревья умирают стоя»), переписанный ее рукой

Неизвестная Раневская / Автор-составитель Сергей Орлов. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 288 с.; илл. –
Н45 (Великая книга о великом)

ISBN 978-5-17-098895-2

Фаина Георгиевна Раневская (1896–1984) – легенда XX века. Сегодня о ней написано столько, что порой трудно разобраться, где миф, а где реальность.

Жизнь актрисы – та самая загадка, тайна, к раскрытию которой можно только приблизиться. И в этом помогают воспоминания ее знаменитых современников, среди которых И. Саввина, Л. Гурченко, В. Талызина, О. Аросева, Ю. Яковлев, В. Ливанов, Е. Камбурова и многие другие. Со страниц книги звучат их знакомые голоса и рассказы о встречах с Раневской на съемочной площадке, где не обходилось без курьезов, о совместной работе в театре, полной смешных, ироничных ситуаций, о дружбе, любви, сострадании... Рассказы, которые читатель услышит впервые и которые не оставят его равнодушным. Ведь главная роль в них принадлежит самой Раневской.

Итак, представление начинается...

Книга выходит к 120-летию со дня рождения Фаины Раневской.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-17-098895-2

© С.В. Орлов, предисловие, составление, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Случай в лифте

Однажды, когда я только начинал работать над рассказами для этой книги, мы с актрисой Ириной Павловной Карташевой зашли в Театр Моссовета – она хотела показать мне гримерку Раневской.

Вместе с нами в лифт вошел какой-то мужчина.

– Куда вы, Ирин Пална? – спросил он.

– Да вот, нужно рассказать про Фаину.

Мужчина ухмыльнулся:

– Неужели опять?

– Да, – ответила Ирина Павловна, обреченно кивнув.

– Ну что же, – ответил незнакомец, – тема поистине неисчерпаема, так же, как и сама личность...

Сколько уже написано, рассказано о Раневской, а как начнешь читать, понимаешь – всё одно и то же, из одних и тех же источников... Скучно.

Мне захотелось узнать о Фаине Георгиевне то, о чем никто никогда не писал и не рассказывал, может быть, даже не знал. Ведь история Раневской – это не только ее личная история, а история всего советского кино и театра на протяжении более чем полувека. Поработав, порывшись в архивах, я обнаружил, что подобных «белых пятен» в ее творческой биографии немало и, значит, материала будет достаточно.

Первой ласточкой стали «Родные берега» – с них все и началось. Уникальный фильм, в котором Раневская сыграла одну из самых интересных своих ролей, пролежал на полке без малого 65 лет и впервые был выпущен именно в рамках моего проекта «Неизвестная Раневская». Запоздалая премьера состоялась на родине актрисы в Таганроге и на Московском международном кинофестивале в 2008 году.

Потом целый год ушел на сбор и подготовку материала и, что самое важное, на поиски человека, готового вложить деньги в проект. И такой нашелся – Игорь Сазонов, который стал настоящим соратником и единомышленником. Порой, когда жизнь расставляла свои приоритеты, когда я готов был все это бросить, – а по ходу проекта

Неизвестная Раневская

пришлось столкнуться со многими трудностями – появлялся Игорь и говорил: «Давай работать!» И проект продолжался...

Вслед за «Родными берегами» вышли восстановленная фактически из руин «Драма» и совместно с объединением «Крупный план» легендарный «Небесный тихоход», в котором Фаина Георгиевна наконец-то заговорила своим голосом (до этого мы все знали переозвученную версию с Анной Лисянской).

Но основным наполнением проекта должны были стать рассказы тех, кто работал с Раневской в театре и на съемочной площадке, кто был с ней лично знаком. Конечно, таких осталось немного – на дворе стоял 2009 год...

Изначально эти рассказы задумывались как аудиокнига* – Ольга Аросева, Василий Ливанов, Валентина Талызина, Евгений Стеблов, Елена Камбурова, Людмила Гурченко приходили в студию, садились к микрофону и рассказывали о своем общении, работе с Раневской. Истории были разные – веселые, грустные, неожиданно смелые... Некоторые записали с первого дубля, другие приходилось по несколько раз переписывать – и с каждым дублем вспоминались, всплывали все новые и новые подробности.

Основным условием участия в проекте являлась уникальность материала: всё, о чем рассказывали артисты (а в основном это были именно они), ранее нигде не должно было быть опубликовано.

Очень скоро о нашей работе стало известно за пределами студии на Патриарших – частенько дверь приоткрывалась прямо во время записи и к нам заглядывали самые разные, совершенно случайные люди – охранники, продавщицы, работники офисов и интересовались: «А это у вас Гурченко сегодня?» Вскоре пожаловали и федеральные телеканалы: всем вдруг стало жутко интересно – «чем это вы тут занимаетесь»? Медленно, но верно проект набирал обороты...

В общем, собрался колоссальный материал, который частично был издан в аудиоварианте как «Рассказы о Раневской» и вошел в эту книгу, посвященную 120-летию со дня рождения актрисы.

*Сергей Орлов,
автор проекта «Неизвестная Раневская»*

* Все рассказы из этой книги существуют в аудиоварианте, в аутентичном исполнении.

Наталья Защипина

Прыжок в вечность

– Одна я не умею прыгать, как слон топаю! Надо мною во дворе все девочки смеются!

– Умный ты человек, Лидочка, а расстраиваешься по пустякам! Прыгать не умеешь – научись!

Агния Барто, «Слон и веревочка»

Зимой 1945 года прохожие, случайно оказавшиеся в самом центре Москвы, на Москворецком мосту, стали свидетелями необычного зрелища.

Молодая женщина, невзирая на 12-градусный мороз, в легком цветастом платье, с букетом полевых цветов, довольно энергично шагала по направлению Большой Ордынки. За женщиной бежала маленькая девочка, лет шести, тоже в летнем платьишке и сандаликах. Этой девочкой была я.

Режиссер Илья Фрэн снимал в заснеженной Москве свой фильм «Слон и веревочка» по сценарию Агнии Барто. Точнее, фильм был снят еще летом, но при монтаже выяснилось, что забыли снять сцену, в которой я бегу по мосту. Поэтому решено было сделать досъемку, не дожидаясь следующего лета: я же могла подрасти за год. Вызвали снегоуборочные ма-

шины, очистили мост от снега, и вперед! Я помню, что в фургонах, которыми окружили место съемок, меня в перерывах между дублями отпаивали коньяком. Здесь же грелись и артисты массовки, тоже одетые по-летнему. Да, такое не забывается.

Как никогда не забудется и то, что в этом фильме я в первый, но не в последний раз встретилась с Фаиной Георгиевной Раневской. И не просто встретилась, а сыграла ее внучку Лидочку.

Сюжет картины заключался в том, что маленькой девочке очень хочется прыгать через скакалку, но у нее никак не получается. В конце концов она все-таки научилась, и не без помощи своей замечательной бабушки.

Помню, что в одной сцене моей бабушке, Фаине Георгиевне, нужно было самой прыгать через скакалку. Раневская, которой в ту пору исполнилось 48 лет, наотрез отказывалась. Ну никакие уговоры не помогали, никакие! Конечно, тогда пригласили дублершу, женщину с похожей фигурой, подобной фактуры, загримировали, надели парик и стали снимать со спины. Когда Фаина Георгиевна посмотрела готовый материал, то осталась недовольна: «Это же никуда не годится, кто же так прыгает? Нет, я буду прыгать сама». Результатом этого стали уникальные кадры прыгающей Раневской. Больше ни в одном из своих фильмов – ни до ни после – она не прыгала.

Наталья Защипина

Помимо Раневской в фильме снимался еще и Ростислав Янович Плятт. Я на них, конечно, смотрела, открыв рот, потому что все вокруг говорили, что это звезды, великие артисты и т.д.

У них была одна такая маленькая слабинка. Они любили подшучивать друг над другом и над всеми вокруг, употребляя при этом нецензурные выражения. И у них получалось красиво и не пошло, потому что они делали это очень талантливо. Но мама моя, которая присутствовала на съемке, была против – она брала меня за руку, уводила из павильона и говорила режиссеру: «Угломоните своих народных, тогда я своего ребенка пущу». А я была хитрой, как все дети, и мне было очень интересно. Я удирала от мамы, тайком находила какую-нибудь щелочку среди декораций и очень внимательно слушала. Конечно же, я знала, что это плохие слова. Мама, естественно, не разрешала мне их употреблять. Но те выражения остались у меня в памяти. У детей ведь очень хорошая память.

И потом, когда через много-много лет я встретила с Пляттом в доме отдыха актеров в Ялте за праздничным столом, мы вспомнили наши совместные съемки, и Ростислав Янович встал и торжественно произнес: «Я хочу поднять тост за Наташу Защипину, за нашу с Фаиной Георгиевной ученицу в области нецензурных выражений».

Нина Акимова

Исповедь Золушки

А ведь я забочусь о тебе гораздо больше, чем о родных своих дочерях! Им я не делаю ни одного замечания целыми месяцами, тогда как тебя, Золушка, я воспитываю с утра до вечера! А где благодарность? Где благодарность?

Евгений Шварц, «Золушка»

В 1943 году Михаилу Калатозову, будущему режиссеру знаменитого фильма «Летят журавли», предложили поехать в Голливуд в качестве уполномоченного советского Кинокомитета. Калатозов согласился. И пригласил поехать вместе с собой Елену Юнгер, бывшую в то время актрисой Театра комедии под руководством Николая Акимова. Юнгер приняла предложение, хотя с Акимовым их связывали близкие отношения. Но, вероятно, возможность увидеть заграничную жизнь была сильнее. Объясняя свое желание, она сказала, что ей интересно узнать, как живут и работают в Голливуде, что являлось, конечно, не совсем правдой. С Михаилом Калатозовым у них был любовный роман. В Голливуде они познакомились с Чарли Чаплином и многими другими знаменитыми актерами, вели богемный образ жизни.

Нина Акимова

В этот момент мой отец, Николай Акимов, познакомился с моей мамой – Вильвовской Лидией Романовной, известным театральным критиком. Благодаря этому знакомству на свет появилась я. На дворе стоял 1945 год. Вскоре на киностудии «Ленфильм» началась подготовка к съемкам «Золушки». Основную работу как режиссер и великолепный художник выполнял мой отец. Но так как именно в эти годы на него начались гонения со стороны власти – в чем только его не обвиняли: в формализме, преклонении перед Западом и черт знает в чем еще, – официальным режиссером фильма стала Надежда Кошеверова, его первая жена. На роль мачехи в этот фильм была приглашена Фаина Георгиевна Раневская. А роль одной из ее дочерей играла Елена Юнгер, только что приехавшая из Америки и... вернувшаяся к Акимову. Эта встреча Раневской и Юнгер положила начало их очень долгому (они дружили всю оставшуюся жизнь) и довольно близкому общению. Раневская обожала Елену. И, будучи довольно резкой в оценке способностей других актеров, всегда с восхищением говорила о работах Юнгер, особенно о ее исполнении роли Анны в «Золушке».

Спустя много лет мы встретились с Раневской в Театре Моссовета*, куда меня приняли в качестве

* В текстах разных авторов это название встречается то в таком виде, то в виде «Театр имени Моссовета». При подготовке издания решено было оставить два варианта. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. автора-составителя книги.*

актрисы по просьбе отца. Несмотря на прошедшие годы, Раневская очень ревностно ко мне относилась, будучи близкой подругой Юнгер. Мы часто встречались за кулисами театра. И каждый раз она мне говорила одну и ту же фразу:

– Фу, как ты похожа на своего отца!

Мой отец умер 6 сентября 1968 года в гостинице «Пекин» в Москве, во время гастролей Театра комедии. Его последний звонок был мне. Он сказал: «Прости меня, дорогая» – и умер, не успев положить трубку.

Панихида состоялась несколько дней спустя в Театре сатиры. Собралось очень много народу, была и Фаина Георгиевна, которая по этому поводу написала письмо своей подруге Надежде Кошеверовой:

«Милая Надюша, знаю, как вам сейчас тяжело, я была на гражданской панихиде. Все это “мероприятие”, не нужное ушедшему, было очень торжественно и пристойно. Москва вела себя достойно. Было много людей, искренне горящих. Было много венков, цветов, речей, но в этой официальщине даже у чиновников от искусства появилось человеческое. Леночка убивалась у меня на плече. Мне ее бесконечно жаль, потому что сейчас ее будет мучить дикая жалость к Николаю Павловичу (совесть), и сейчас она узнает чувство одиночества. Все это я знаю по себе. Бедная Леночка, ей предстоит на днях играть. Все мы очень горюем. Обнимаю, *ваша Фаина*».

Ордер на галоши

Лена: Сталин с нами все время шутил. Нас еще не называют на «вы», особенно Олю, потому что она совсем маленькая. А Сталин называл. Он всегда так говорил вежливо, как будто мы взрослые: «Как ваше мнение», «позвольте», «будьте здоровы».

Оля: Сталин вдруг наклоняется ко мне и говорит: «Разрешите мне, Оля, закурить?» Я смутилась и молчу, ничего не сказала, а все вокруг смеются. Он улыбается и дальше говорит: «У меня тоже есть девочка, Светлана, ей столько лет, сколько вам. Она мне всегда разрешает курить, когда я у нее спрашиваю». Я покраснела вся, а потом сказала: «Можно». И Сталин закурил.

Рассказ Лены и Оли Аросевых.
Комсомольская правда, 14 июля 1935 года

Фаину Георгиевну Раневскую, величайшую актрису нашего времени, я имела счастье знать с самых юных лет. Дело в том, что она была хорошо знакома с моей мамой – они довольно часто общались, мама помогала ей с пропиской в Москве. И Фаине Георгиевне, конечно, было известно, что у моей мамы есть две дочери, я и моя старшая сестра Елена, которые учатся и хотят быть актрисами. Фаина Георгиевна принимала живейшее участие в этом. Сначала отго-

варивала нас учиться, потом все-таки смилостивилась, приняла наше желание и давала нам всяческие советы. Она даже была на выпускном экзамене у моей сестры в Московском городском театральном училище на сказке Гоцци «Король-олень». Фаина Георгиевна просидела и просмотрела весь этот выпускной спектакль.

Вскоре я поступила в Театр комедии в Ленинграде (ныне Петербурге), уехала и уже близко с ней познакомилась, когда она снималась в картине «Золушка» на «Ленфильме». Я работала в Театре комедии, и она меня очень часто навещала, мы много общались. Был 46-й или 47-й год, когда открылись коммерческие магазины. А мой театр находился как раз на втором этаже, над Елисеевским магазином. И она всегда приходила в Елисеевский магазин, брала там какие-то пирожки, бутербродики, относила пакетик в администраторскую, которая располагалась тут же, под лестницей, рядом со входом, и просила передать мне, подкармливала меня. Очевидно, моя мама просила ее за мной следить.

Когда Раневская приезжала сниматься в картине «Золушка», то жила всегда в «Астории», и я ее часто навещала, приходила к ней в гости. Однажды она увидела мои рваные ботинки, страшно разгневалась. А время-то было послевоенное, и, конечно, ботинки были без каблучков и не самого лучшего вида. Трудно было купить что-то приличное. Я получала 200 ру-

Ольга Аросева

блей – это ставка актрисы из вспомогательного состава, а буханка хлеба могла стоить 600 рублей*.

Раневская позвонила Николаю Павловичу Акимову, главному режиссеру Театра комедии, куда я только что поступила, и стала выговаривать:

– Николай Павлович, тут Лелечка Аросева пришла, ну это же ужасно – у нее рваные ботинки, на дворе мокрый снег, дайте ей ордер на галоши!

Я замотала головой, замахала руками, кулаками.

Она говорит:

– Подождите минутку, она чем-то недовольна. Что ты хочешь?

Я ей:

– Фаина Георгиевна, не надо мне ордер на галоши, как вам даже не стыдно такое просить! Пусть он лучше даст главную роль.

Она:

– Николай Павлович, она не хочет ордер на галоши, она хочет главную роль.

* Вслед за сокращением поступлений хлеба на внутренний рынок в сентябре 1946 г. розничные цены на хлеб и другие продовольственные, а заодно и промышленные товары, распределявшиеся по карточкам, были повышены в 2-2,5 раза. До денежной реформы в декабре 1947 г. коммерческие цены на хлеб возросли по сравнению с 1946 г. в 5-6 раз.